

ства, пополненіемъ сочиненія своего «Русской іерархіи;» былъ строгъ въ образѣ жизни, постникъ; по слабости здоровья, въ 1825 г. сентября 4 дня уволенъ на покой въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ и скончался, стоя на колѣнахъ предъ иконою.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(разсказъ),

Здравствуйте Дарья!

Здравствуй батюшка.

Какъ поживаешь нынѣ? Здоровы ли вы всѣ?

По прежнему.

Ну что Аполлонъ твой? Тоже по прежнему?

Охъ батюшка, на дняхъ съ нимъ такой случай вышелъ, что разказать не знаю какъ. Мы и теперь еще не опомнились, какъ перепугались.

Что же случилось?

Видишь ли, онъ все попрежнему пилъ — Господи! Чего ужъ я съ нимъ не дѣлала? и къ ворожеямъ — то ходила, и ласкою — то съ нимъ, и бранью; а то такъ и побью. Прошлымъ великимъ постомъ вывелъ онъ меня изъ терпѣнья, схватила я его за волосы; да такъ ему голову то намотала, что вся голова у него сердечнаго вспухла. А вотъ о Пасхѣ палкой такихъ синяковъ на рукахъ и на

спинѣ надѣлала, что и теперь еще не прошли.

Какъ же это ты такъ неосторожно.....

Да вѣдь хоть кого выведетъ изъ терпенья. Вѣдь все промотали. Кузнецъ онъ хорошій; и наши сельскія, хозяйскія приборы, и господскіе экипажи, все это онъ сработаетъ не хуже кого. Да что толку—то? Вырсытаетъ, да пропьетъ. Пршное лѣто съ поля почти ничего не убрали,—все пьянствовалъ. Дѣтишки малыя; домъ изветшалъ; поправки ему нѣтъ. Я одна, да десятилѣтней сынишка Растиславъ много ли сработаемъ? А ему все ни по чемъ; пьетъ, да и полно. Я ужъ Господа Бога стала молить, чтобъ онъ послалъ на него болѣзнь какую, аль другое что, чтобъ очутовался.—Такъ пилъ онъ и всю Пасху и Оомину недѣлю. Въ субботу на этой недѣлѣ какъ будто опаматовался. Мы истопили баню; онъ сходилъ въ баню. Послѣ кое-что маленько подѣлалъ; посмотрѣлъ на хозяйство, котораго давно ужъ не видалъ; побранилъ сына за то, чего-то тамъ не сдѣлалъ. Легли спать. Вдругъ въ полночь онъ поднялъ страшный крикъ. Слышимъ, мечется изъ стороны въ сторону, кричитъ. Зажгли огонь. Онъ смотритъ во всѣ глаза. «Батюшки», кричитъ, «застушитель, помогите! Дайте мнѣ дочь, Оимку! Доченька моя милая, поди комнѣ!» А она у меня грудная; какъ ему дать ее? Какъ она закричитъ, онъ маленько поутихнетъ; она притихнетъ, инъ опять завопитъ, опять мечется. У насъ волосы стали дыбомъ. држь про-

няла. А онъ все кричить и говорить что-то: то Священника нашего помянетъ, то отца моего покойнаго, то Оимку; на одну сторону оборотится, умоляетъ кого-то заступится; а на другую сторону взглянетъ, какъ будто пугается; въ окошко озирается,—мы не знали что и дѣлать. Этакъ прошло время почти до свѣта. На разсвѣтѣ послали за Священникомъ. Нашъ-же къ тому времени притихъ. Полежавши нѣсколько, всталъ и ну Богу молится. Сталъ на колѣна, да такъ молился, что я и не видывала, чтобы кто такъ молился. Приѣхалъ Священникъ; спрашиваетъ, что нужно. Тутъ мой-то ему въ ноги. «Батюшка,» говоритъ, «прости меня.» Священникъ говоритъ «надо прежде исповѣдаться.» Охо, батюшка, надо, надо; вѣдь я прошлый то постъ не говѣлъ и не исповѣдывался.» Священникъ спросилъ: «почему же ему вдругъ теперь захотѣлось исповѣдаться?» Охъ,» говоритъ мой-то, «со мной такія страсти были, такія страсти?» «Да боленъ что-ли, нѣтъ ли; только со мной такіе ужасы сдѣлались, что мнѣ непременно причаститься надо.»

— Что же съ тобой сдѣлалось?

«Грѣшникъ я, батюшка, большой я грѣшникъ? Вамъ извѣстно, что я много пилъ. Вотъ и Пасху всю пропьянствовалъ. Какъ вы съ Крестомъ-то по нашей деревнѣ ходили, я все прятался отъ васъ. И послѣ-то Пасхи я все пилъ. Нынѣ ночью вдругъ вижу: какіе-то люди мрачные, страшные, отвратительные подходятъ ко мнѣ. Страхъ про-

бираетъ глядѣть-то на нихъ. Вотъ они приступаютъ ко мнѣ съ крикомъ, съ бранью. Что, говорятъ, смотрѣть-то на него! Вѣдь онъ ужъ давно нашъ; возьмъ-те его! Какъ закричу я.... Они еще пуще ко мнѣ. Вдругъ вижу: съ другой стороны подлѣ меня стоитъ такой добрый человекъ, весь въ бѣломъ. „Нѣтъ, говоритъ онъ, погодите; можетъ, онъ еще покается.“ — „Чего намъ ждать-то“, кричатъ тѣ; „уже онъ давно нашъ; и будетъ нашъ; чего ждать-то!“ А сами все подступаютъ ко мнѣ. А который въ бѣломъ-то говоритъ: „потерпите ради дѣтей его.“ Какъ ребенокъ нашъ заплачетъ, они приутихли. Ребенокъ перестанетъ плакать, они опять лѣзутъ ко мнѣ. Бѣлый опять отговариваетъ ихъ; опять говоритъ: „надо потерпѣть; у него, говоритъ, семья, дѣти. Потерпите, онъ покается; священникъ исправитъ его.“ Тутъ они принялись бранить васъ, батюшка; ужъ такъ бранили, такъ бранили... И мнѣ приказываютъ, чтобъ я и не знался съ вами. „Ты, говорятъ, и не встрѣчайся съ нимъ. Вотъ ты анамедни прятался отъ него, и хорошо сдѣлалъ; онъ *такой-сякой*... и не встрѣчайся съ нимъ, и не говори съ нимъ ничего.“ Этакъ-то они измучили меня. То отойдутъ маленько, какъ буд-то пропадутъ; то опять появятся, какъ-будто въ окна лѣзутъ. Но который въ бѣломъ-то все защищалъ меня. И батюшку тестя покойнаго видѣлъ; онъ все грозилъ мнѣ, что для меня чугунный гробъ давно уже приготовлень. — Такъ бѣлый-то и не далъ имъ меня. Вотъ я, какъ ушли

они всё, и Господу Богу помолился; и теперь желаю причаститься; Богъ дастъ мнѣ лучше будетъ.

«Да теперь-то въ своемъ-ли ты умѣ? Въ твердой-ли памяти? спрашиваетъ священникъ.

«Батюшка, я совершенно въ твердой памяти. Ради Господа Бога, причастите меня.»

Священникъ рѣшился: исповѣдалъ и причастилъ Аполлона. Послѣ того, онъ, помолился, легъ и заснулъ. Проспалъ часа съ два. Проснулся весь мокрый; рубашку просто хотъ выжми. Какъ будто не знаю работу какую работалъ, такъ вспотѣлъ. Онъ всталъ, переобмѣнилъ бѣлье; сѣлъ, по обѣдалъ съ нами. Ну, и слава Богу, не пьянъ: зарокъ Богу далъ никогда не пить.

— Что же онъ не хворалъ послѣ того?

«Нѣтъ, ничего, не хворалъ. Теперь слава Богу, сталъ работать; пить не пьетъ. Авось Господь наведетъ его на путь истинный

Заинтересованный разсказомъ, я постарался увидѣть самаго Аполлона и поговорить съ нимъ. Скоро и увидѣлъ его. Онъ былъ совершенно здоровъ; онъ подтвердилъ разсказъ своей жены и повторилъ обѣщаніе больше не пить.

20 Апрѣля 1865 г.

Священникъ *Іоаннъ Смѣльскій*.
